

А 5233, 21

**Современное состояніе науки русской
исторіи и задача ея университетскаго
преподавателя.**

И. И. Лаппо.

Вступительная публичная лекція (11 октября 1905 года).

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1906.

Современное состояніе науки русской
исторіи и задача ея университетскаго
преподавателя.

И. И. Лаппо.

Вступительная публичная лекція (11 октября 1905 года).

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1906.

Est. A

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“ 1906 г.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Съ большимъ волненіемъ я въ первый разъ вхожу на эту кафедру и держу съ нея рѣчь въ высококомъ значеніи учителя науки — эта кафедра прославлена такимъ длиннымъ рядомъ достойныхъ и высокодаровитыхъ ученыхъ, твердою рукою, навсегда вписавшихъ свои имена въ исторію науки. Славное, болѣе чѣмъ вѣковое прошлое Университета стоитъ передо мною. Оно заставляетъ такъ строго смотрѣть на себя, такъ критически относиться къ своимъ силамъ каждаго научнаго работника, вступающаго на кафедру въ сѣдѣхъ стѣнахъ этого славнаго Университета. Но мое волненіе вызвано не только славнымъ ученымъ прошлымъ Университета и боязнью оказаться недостойнымъ его — мнѣ оказано высокое довѣріе къ моимъ силамъ ученою коллегіей Историко-Филологическаго Факультета, удостоившей меня избранія на кафедру. За это избраніе счастливъ принести мою благодарность. Однако это довѣріе внушаетъ мнѣ тѣмъ большую боязнь не оправдать его. Мое волненіе есть результатъ сознанія долга профессора, какъ учителя науки.

Наука живетъ и быстро идетъ впередъ, несмотря на то, что она ищетъ вѣчной, неподвижно-спокойной истины. Какъ жизнь есть движеніе и перемѣна, такъ и наука не стоитъ на одномъ мѣстѣ, развиваясь непрерывно, и это развитіе является ея природою. Если живутъ, мѣ-

няясь во многомъ, самыя развитыя и зрѣлыя науки съ ихъ рядомъ прочно обоснованныхъ законовъ, являющихся неотъемлемымъ ихъ достояніемъ, то какъ велики эти перемены въ той научной дисциплинѣ, которая называется исторической наукой, а стало быть и въ томъ отдѣлѣ ея, который зовемъ русской исторіей. Чѣмъ же живетъ наша наука теперь и какъ характеризовать ея современное состояніе?

Начало научной разработки русской исторіи было положено въ XVIII столѣтіи. Эпоха преобразованія впервые вводитъ европейскую науку въ Россію. Какъ часть ея, получаетъ у насъ свое начало и наука историческая. За Татищевымъ и Ломоносовымъ идутъ Новиковъ и ученые представители міровой науки, вызванные изъ Германіи, съ Байеромъ, Миллеромъ, Шлецеромъ на челѣ. Начинаютъ собираться и изучаться матеріалы и памятники русской исторіи и начинаютъ усваиваться методы научной работы, вырабатываемые общечеловѣческой наукою. Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, незабвенный собиратель и издатель русскихъ памятниковъ и документовъ, создалъ около себя цѣлую плеяду талантливыхъ и трудолюбивыхъ сотрудниковъ. Онъ сумѣлъ сдѣлать своимъ девизомъ слова *non solum armis* въ желѣзную эпоху борьбы Россіи и Европы съ Наполеономъ, когда такъ громко говорило оружіе и когда военная слава была мечтою такого большого числа дѣятелей. Онъ сумѣлъ не забыть другихъ, болѣе высокихъ идеаловъ культурной работы его времени, когда зарождавшійся романтизмъ оживлялъ интересъ къ своему родному прошлому.

Митрополитъ Евгеній, этотъ нашъ ученый бенедиктинецъ, какъ называетъ его Погодинъ, соперничаетъ съ Румянцовымъ своимъ трудомъ по собиранію и сохраненію памятниковъ. Наконецъ Полное Собраніе Законовъ и работа по собиранію и изданію матеріаловъ возникающей Археографической Коммисіи, происхождение которой слилось съ дѣятельностью Строева, даютъ уже къ 40-мъ годамъ прош-

лаго столѣтія такое обиліе матеріаловъ для изслѣдованія и изученія прошлой жизни нашего отечества.

Рядомъ съ этимъ собираніемъ матеріаловъ идетъ рядъ попытокъ построенія самой русской исторіи въ ея цѣломъ.

Собственно говоря, уже Московская Русь знала такое стремленіе, составляя общіе лѣтописные своды и Степенную книгу. Извѣстный дьякъ Грибоѣдовъ пишетъ для царя Θεодора Алексѣевича Русскую Исторію. Для того же царя Матвѣевъ составляетъ въ Посольскомъ Приказѣ „Описаніе великихъ князей и царей російскихъ въ лицахъ съ исторіями“. На помощь Руси Московской приходитъ въ XVII ст. Русь Кіевская своимъ Синописисомъ, изданнымъ впервые въ 1674 году. XVIII вѣкъ продолжаетъ эту работу составленія своего рода учебника и общаго лѣтописнаго свода. По приказанію Петра Великаго справщикъ типографіи Θεодоръ Поликарповъ составляетъ Русскую Исторію, неудовлетворившую, однако, Преобразователя. Θεофанъ Прокоповичъ дѣлаетъ свою попытку краткаго обзора событій по княженіямъ и царствованіямъ. Въ началѣ же XVIII столѣтія пишетъ Ядро Россійской Исторіи Манкіевъ, Ядро, увидѣвшее свѣтъ въ печати лишь въ 1770 году. Въ томъ же XVIII вѣкѣ составляетъ свой Краткій Лѣтописецъ Ломоносовъ. Татищевъ въ его Исторіи — сводѣ лѣтописей какъ бы стоитъ на рубежѣ перехода отъ лѣтописнаго свода къ научному изложенію. За нимъ слѣдуетъ Щербатовъ съ его Исторіей. Наконецъ, первая половина XIX столѣтія даетъ цѣлый рядъ общихъ трудовъ по исторіи Россіи. Въ началѣ столѣтія появляется Русская Исторія Сергѣя Глинки, которая, расширяясь съ каждымъ новымъ изданіемъ, заключаетъ въ себѣ четырнадцать частей въ третьемъ изданіи, выходившемъ съ 1818 по 1825 годъ. Съ 1816 по 1829 годъ выходятъ 12 томовъ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина. За нею слѣдуетъ въ 30-хъ годахъ шеститомная Исторія Русскаго Народа Полевого. Съ 1837 по 1840 годъ выходитъ четырехтомная Русская Исторія Устрялова. Я не стану останав-

ливаться на научномъ значеніи этихъ трудовъ. Одно разсмотрѣніе значенія Исторіи Государства Россійскаго Карамзина отняло бы у меня нѣсколько часовъ. Я только укажу на общее стремленіе, обнаруживаемое этимъ рядомъ трудовъ, несомнѣнно существовавшее у русскихъ историковъ того времени. Они стремятся къ изложенію всей русской исторіи, къ созданію общаго труда, дающаго изложеніе исторіи Россіи съ ея начала до самаго поздняго времени — нужды нѣтъ, что только два изъ этихъ историковъ, Устряловъ и Глинка, довели свое изложеніе до XIX столѣтія. Стремленіе это носилось, такъ сказать, въ воздухѣ, которымъ дышали русскіе историки. Съ немалою горечью отказывались отъ него нѣкоторые изъ нихъ, какъ это сдѣлалъ митрополитъ Евгеній, бросившій свою Россійскую Исторію ради собиранія матеріаловъ и изслѣдованій отдѣльныхъ вопросовъ науки. Надъ всѣми историческими трудами первой половины XIX вѣка, конечно, царилъ трудъ Карамзина, заслонившій всѣ остальные и даже заставившій ихъ позабыть. По этому труду вѣдь учились дѣятели науки русской исторіи вплоть до второй половины XIX вѣка включительно.

Но появленіе новыхъ изслѣдованій и новыхъ взглядовъ и еще большее количество новыхъ источниковъ, уже опубликованныхъ, но еще болѣе обнаруживаемыхъ въ пріоткрытыхъ архивахъ, дѣлали Исторію Карамзина уже неудовлетворяющею, несмотря на все продолжавшееся прославленіе ея частью историковъ и общества. За новый опытъ изложенія русской исторіи цѣликомъ взялся лучшій представитель науки ея въ срединѣ XIX вѣка, профессоръ старѣйшей университетской каѳедры въ Россіи С. М. Соловьевъ. Въ 1851 году вышелъ I томъ его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, а за нимъ послѣдовали еще 28, доведшіе Русскую Исторію до 1775 года, а, если считать продолженіемъ этого труда Исторію паденія Польши и внѣшнюю исторію царствованія Александра I, то можно полагать, что Соловьевъ довелъ свое изложеніе,

хотя и съ перерывами, до царствованія Александра I-го включительно.

Монументальный трудъ Соловьева я позволю себѣ считать гранью въ исторіи нашей науки. Онъ можетъ быть признанъ завершающимъ эту эпоху попытокъ общихъ изложеній русской исторіи, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, какъ увидимъ сейчасъ.

Русскіе историки уже признали Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ „неисчерпаемою сокровищницей , изъ которой еще долго будутъ черпать свои знанія наши историки.“ Какъ очень крупное явленіе въ области науки, Исторія Соловьева вызвала цѣлый рядъ другихъ трудовъ и цѣлый рядъ споровъ. Въ числѣ мыслей, которыя высказывались по поводу ея, въ высшей степени любопытна мысль о своевременности общаго обзора русской исторіи, поднятая съ ея появленіемъ въ свѣтъ. Я не стану говорить здѣсь о враждебности къ труду Соловьева, имѣющей корни въ оскорбленномъ самолюбіи людей, которые изъ ревности за личную славу не хотѣли признавать ученаго первенства между русскими историками, приобрѣтаемаго авторомъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ черезъ его монументальный трудъ. Я оставляю въ сторонѣ эти недостойныя науки соображенія нѣкоторыхъ авторовъ и укажу лишь на принципиальное возраженіе, за которымъ кроется идеальная любовь къ наукѣ. Такое возраженіе было сдѣлано Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Разбирая I-й томъ Исторіи Соловьева онъ писалъ: „прежде всего должны мы сказать, что едва ли въ наше время можно писать исторію Россіи. Исторія есть окончательный плодъ какой-нибудь эпохи, есть результатъ ея предварительныхъ историческихъ трудовъ; твердая, неизблемая основа для нея необходима. Наше время есть время изслѣдованій, изысканій, приговорительной обработки Можно ли строить зданіе, когда ни матеріалы, ни планъ не готовы? Зачѣмъ отнимать у эпохи ея трудъ и зна-

ченіе, зачѣмъ торопить ея время (себя можно торопить, но не время). . . . Все, что можетъ явиться въ наше время, это развѣ монографія.“

Прошли еще 15 лѣтъ, и въ 1864, 5 и 6-мъ годахъ вышли XIII, XIV и XV томы Исторіи Россіи Соловьева: историкъ довелъ свое изложеніе до середины царствованія Петра Великаго. И вотъ другой русскій ученый, рѣзко отличающійся отъ Аксакова своимъ общимъ міросозерцаніемъ и совсѣмъ инымъ пониманіемъ русской исторіи, но также какъ онъ, идеально-настроенный и любящій науку, Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, пишетъ въ Вѣстникѣ Европы 1866 года: „несмотря, однако, на множество прекрасныхъ работъ и изслѣдованій по русской исторіи, на обнародованные, въ огромномъ числѣ, новые источники, она все еще такъ же мало извѣстна и понятна, какъ и сама Россія. Въ русской исторіи поставлено множество вопросовъ, но пока все еще не хватаетъ силъ и средствъ разрѣшить ихъ: недостаетъ необходимѣйшихъ подготовительныхъ работъ. Кое-гдѣ открываются просвѣты; точнѣе опредѣляются нѣкоторыя задачи; рождаются догадки, болѣе или менѣе правдоподобныя, которыя и служатъ пока жалкой замѣной дознанной исторической нити, связующей, повидимому, безсвязные факты и эпохи. Все это только чаяніе будущихъ историческихъ трудовъ, черновыя замѣтки для программы будущей русской исторіи“. Такимъ образомъ взглядъ Кавелина констатируетъ почти совсѣмъ то же состояніе науки русской исторіи, что и слова Аксакова.

Сознаніе невозможности писать исторію Россіи цѣликомъ несомнѣнно отражается и на Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ. Этотъ историкъ, съ его крупнымъ талантомъ историческаго изображенія, съ его эрудиціей и огромною работоспособностью, длинный рядъ своихъ трудовъ выпустилъ въ видѣ именно монографій. Онъ чувствовалъ желаніе дать и обзоръ исторіи Россіи, но сдѣлалъ его лишь въ видѣ жизнеописаній главнѣйшихъ ея дѣятелей, хотя эти

жизнеописанія представляютъ собою не простыя біографіи, а цѣлыя изслѣдованія. Самый составъ трудовъ Костомарова и ихъ предметъ обнаруживаютъ его самостоятельную работу надъ русской исторіей въ ея цѣломъ, и тѣмъ характернѣе его отказъ отъ изложенія ея цѣликомъ.

Изъ попытокъ создать русскую исторію потомъ имѣютъ научное значеніе лишь трудъ К. Н. Бестужева-Рюмина и продолжающая выходить работа Д. И. Иловайскаго. Но послѣднему научная критика не дала признанія выдающагося значенія его труда. Что же касается Исторіи Бестужева-Рюмина, то самое построеніе ея въ критическомъ, а не догматическомъ изложеніи отлично иллюстрируетъ состояніе русской исторіи въ ея порѣ изслѣдованій. Прекрасный трудъ Бестужева-Рюмина, образовавшийся изъ его университетскихъ чтеній (доведенный въ общемъ до эпохи Смуты, если принять въ расчетъ его продолженіе въ видѣ статьи покойнаго академика), есть лучшее доказательство сохраненія и въ его время въ силѣ того состоянія науки русской исторіи, о которомъ говорили Аксаковъ и Кавелинъ. Я не ошибусь, если скажу, что ту же эпоху отдѣльныхъ изслѣдованій и монографій продолжаетъ переживать она и теперь.

Но въ чемъ же тутъ дѣло и почему мы и теперь все еще стоимъ почти передъ невозможностью создать общую научную исторію Россіи? Имѣемъ ли дѣло со случайною причиною въ видѣ простаго недостатка таланта и трудолюбія у русскихъ историковъ нашего времени, или причина явленія лежитъ глубже, въ самомъ состояніи науки? Конечно второе, а не первое. Рядъ блестящихъ по таланту, самыхъ серьезныхъ по постановкѣ вопросовъ и самыхъ внушительныхъ по размѣрамъ положеннаго многолѣтняго труда изслѣдованій украсилъ русскую историческую литературу за послѣдніе годы. Эти труды вполне исключаютъ сейчасъ формулированное обвиненіе нашихъ изслѣдователей.

Такимъ образомъ единственно возможнымъ оказывается искать причину указаннаго явленія только въ самомъ состояніи нашей науки.

Несмотря на всю напряженную работу изслѣдователей, число которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ; несмотря на то, что интересъ къ исторической научной работѣ все шире распространяется по нашему отечеству, все болѣе и болѣе пріобщая провинцію къ работѣ научныхъ центровъ, создаваемыхъ академіей и университетами, такъ много, такъ страшно много еще неразработаннаго въ наукѣ русской исторіи, такъ много пробѣловъ въ обслѣдуемомъ ею полѣ исторической жизни, такъ много пустыхъ мѣстъ на полотнѣ, на которомъ рисуется свою яркую картину наша наука, и такъ много вопросовъ въ подвергнутыхъ уже изслѣдованію отдѣлахъ! Эти вопросы мѣшаютъ закрѣпить красками на полотнѣ добытое трудомъ научныхъ изслѣдователей. Его приходится помѣщать лишь въ видѣ этюдовъ для большой картины — они должны еще сравниваться и выработываться, какъ въ общемъ тонѣ и перспективѣ, такъ даже въ самомъ положеніи фигуръ, ими рисуемыхъ. Въ одномъ явленіи мы намѣчаемъ корни, но не опредѣлили еще ствола и рисунка листьевъ; въ другомъ, наоборотъ, мы видимъ стволъ, или листву, но не дошли еще до корня, изъ котораго они берутъ свое начало. Даже такіе кардинальные вопросы, какъ вопросъ о Боярской Думѣ, обслѣдованный въ числѣ другихъ и наиболѣе выдающимся и рѣдко талантливыми учеными, — еще не достигли своего полного разрѣшенія, являясь спорными въ своихъ очертаніяхъ. Такимъ образомъ тотъ, кто хочетъ писать общее изложеніе русской исторіи долженъ самъ цѣликомъ изслѣдовать длинный рядъ вопросовъ, обращаясь изъ систематика въ изслѣдователя, какъ и было уже съ Соловьевымъ, — а при такомъ положеніи его трудъ общаго историка становится уже непосильнымъ для одной жизни, какъ бы ни была эта жизнь относительно продолжительна и какъ

бы ни были велики силы таланта и трудолюбія ея обладателя. *Ars longa, vita brevis!*

Не малымъ препятствіемъ къ общему изложенію русской исторіи является и эволюція самаго пониманія исторіи, какъ науки, въ ея задачахъ, объемѣ, методахъ и значеніи. На длинномъ протяженіи двухъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ какъ ведется ученая разработка русской исторіи, — съ Татищева и до нашихъ дней — такъ много вносилось новаго въ общее міросозерцаніе, въ пониманіе нашей науки и ея задачъ и методовъ. XVIII-й вѣкъ въ лицѣ Татищева впервые только приступалъ у насъ „къ научному пониманію дѣла“. Изъ далекой, чуждой легенды, внушавшей иногда поученіе и дѣлавшей назиданіе, иногда доставлявшей удовольствіе, какъ былина сказителя, иногда дававшей патріотическое наслажденіе, или оправданіе политическому порядку, — русская исторія стала дѣлать шаги къ преобразованію въ изображеніе дѣйствительной жизни прошлыхъ вѣковъ. Прошлое до такой перемѣны взгляда казалось чуждою картинкой, которой любятъся для забавы и которою забавляются на досугѣ, почитывая разсказъ о немъ, какъ сказку. Забывалось, что жизнь современная есть простое продолженіе жизни прошлой, что люди, не нарисованные на картинкѣ, а живые, какъ мы, жили прежде, какъ живемъ мы, съ такою же вѣчною потребностью счастья, съ мучительнымъ страданіемъ безпокойной и вѣчно ищущей мысли. Изъ повѣствованія о достопамятныхъ событіяхъ исторія на протяженіи пережитыхъ ею вѣковъ своего развитія обратилась въ воспроизведеніе прошлой исторической жизни народовъ и обществъ, долженствующей возставать передъ нами во всей своей жизненной живости, во всей своей полнотѣ, притомъ и съ уясненнымъ своимъ смысломъ. Исторія стала пониматься какъ изученіе и изображеніе совокупности всей массы явленій въ постоянно измѣняющейся народной жизни. Да вѣдь цѣлая бездна лежитъ между старымъ и современнымъ пониманіемъ исторической науки!

Въ то же время шла и разработка методовъ историческаго изслѣдованія. Къ тому же цѣлый длинный рядъ философскихъ системъ смѣнилъ одна другую на протяженіи времени ученаго изученія русской исторіи. Ихъ смѣна отзывалась на пониманіи жизни человѣчества, являющейся содержаніемъ исторической науки. Особенно замѣтнымъ было это вліяніе философіи въ сороковыхъ годахъ, знаменующихъ собою „образование главныхъ теоретическихъ направленій русской мысли XIX вѣка.“ Въ сороковые годы философская эрудиція считалась *conditio sine qua non* какой-либо интеллигентной, не только научной, а стало быть и исторической работы. Потомъ дѣло измѣнилось. Изученіе философіи было отброшено, и историки готовы были отбросить и всякую пропедевтическую работу для подготовки себя къ историческому изслѣдованію. „Довольно молодого человѣка пустить въ архивъ, чтобы изъ него вышелъ историкъ“ — такъ начинаютъ говорить потомъ. Въ этомъ взглядѣ нельзя не видѣть протеста противъ введенія апріорныхъ для исторіи философскихъ выводовъ, къ которымъ иногда просто подводились историческіе факты историками нашихъ философскихъ школъ — западнической и славянофильской — вмѣсто того, чтобы идти строго отъ фактовъ къ выводамъ. Этимъ субъективировалась русская исторія черезъ отнятіе отъ нея временами научной объективности. Однако нельзя не видѣть въ начинавшемся поворотѣ въ наукѣ русской исторіи и впечатлѣнія безбрежнаго моря архивнаго матеріала, все болѣе и болѣе открывавшагося передъ русскимъ изслѣдователемъ. Необходимость разработки архивовъ, необходимость идти въ это море, хотя бы и на утломъ кораблѣ небольшихъ знаній, сознается все настойчивѣе исторіей. Потребность изученія архивнаго матеріала была признана уже и на Западѣ. Великій Ранке уже провозгласилъ въ міровой наукѣ разработку архивовъ необходимой. Помимо необходимости этихъ путешествій по архивному морю, сознаваемыхъ какъ настоятельная потребность исто-

рической науки, туда же влечетъ и личное наслажденіе, которое даетъ архивная работа изслѣдователю, втягивая его въ себя. Я живо помню силу обаянія прошлой жизни, которое я испыталъ десять лѣтъ тому назадъ, впервые приступивъ къ архивной работѣ въ одномъ изъ провинціальныхъ архивовъ, запертый въ комнатѣ среди фоліантовъ и книгъ XVI столѣтія. Изъ нихъ со мною какъ бы бесѣдовали люди XVI вѣка, въ жизнь котораго я окунулся съ головою.

Увлеченіе архивною работой, свойственное переживаемой нами эпохѣ исторической разработки, имѣетъ, конечно, свои положительныя стороны, но, какъ все человѣческое, имѣетъ въ то же время и свои стороны отрицательныя. Былъ вынесенъ на свѣтъ Божій длинный рядъ фактовъ, которые дали возможность уяснить цѣлый рядъ явленій исторической жизни Россіи. Они еще долго оставались бы неизвѣстными и не уясненными, ожидая медленной работы археографіи по изданію въ свѣтъ миллионовъ документовъ, лежащихъ подъ вѣковою пылью на полкахъ архивнаго царства. Наука русской исторіи просто обогатилась въ этотъ періодъ ея разработки. Но этотъ періодъ вносилъ и кое-что, не имѣющее права назваться желательнымъ. Я разумѣю утрату иногда архивнымъ изыскателемъ чувства общаго, общей связи за облюбованіемъ того уголка архивнаго океана, которому онъ отдавалъ свою жизнь цѣликомъ. Временами случается и слишкомъ большое преувеличеніе значенія добытаго архивною работою факта въ его вліяніи на общую картину прошлой жизни — громадный трудъ, положенный архивнымъ изыскателемъ на добываніе его фактовъ, временами безсознательно для самого историка-архивиста замѣнялъ ему реальное, дѣйствительное значеніе добытаго имъ для науки. Однако, какъ бы то ни было, повторяю, этотъ монографически-архивный періодъ разработки русской исторіи обогатилъ ее, далъ ей богатѣйшіе результаты, и ему мы обязаны въ значительной степени современнымъ состояніемъ нашей науки.

Противовѣсомъ развитію увлеченія фактическимъ матеріаломъ явились науки, имѣющія общій характеръ и стоящія въ непосредственной связи съ исторіей. Развитие соціологіи, характеризующее культурную работу второй половины XIX столѣтія наряду съ развитіемъ наукъ естественныхъ и техники, прежде всего явилось для историковъ противовѣсомъ увлеченію фактическимъ матеріаломъ. Историкъ усвоилъ ясно, что его наука, изучая конкретные факты въ условіяхъ времени и мѣста, является фундаментомъ общаго изученія общества и законовъ его развитія, т. е. соціологіи, передавая послѣдней свои знанія и выводы черезъ разработку ихъ философіей исторіи и теоріей историческаго процесса. Развитие статистики и археологіи также дѣлало свое дѣло въ перестройкѣ исторической науки. Не даромъ Тардъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей современной науки объ обществѣ, отдастъ имъ такое видное мѣсто въ данномъ вопросѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и статистика, и археологія отвлекаютъ мысль изслѣдователя отъ героическаго и достопамятнаго въ прежнемъ смыслѣ этого слова и переносятъ ее на изученіе явленій жизни того, или другого общества въ ея общихъ формахъ, теченіяхъ, процессахъ и условіяхъ, не приурочивая ихъ къ опредѣленному дѣятелю, герою и правителю. Археологія и статистика отъ изученія біографій и подвиговъ отдѣльныхъ лицъ переносятъ мысль историка къ цѣлымъ обществамъ и народамъ. Изученіе экономическихъ основъ народной жизни дѣлается необходимымъ. Наконецъ, съ развитіемъ этнографіи, теперь мы уже стоимъ лицомъ къ лицу съ начатымъ построеніемъ и народной психологіи.

Сущность перемѣны, внесенной всѣмъ этимъ въ исторію, какъ науку, сводится къ тому, что она обратилась изъ повѣствованія о выдающихся своимъ положеніемъ и талантомъ людяхъ и достопамятныхъ событіяхъ въ изученіе и изображеніе жизненныхъ процессовъ, переживаемыхъ народами въ опредѣленныхъ мѣстахъ и времени. Отсюда

стало необходимымъ для общаго построения исторіи, а стало быть и исторіи Россіи, — пользуясь добытымъ изслѣдованіемъ прежняго времени, перестраивать это добытое и факты, обслѣдованные имъ, вводить подъ совѣмъ иное, новое освѣщеніе. Кромѣ того, развитіе методовъ изслѣдованія и простое накопленіе новыхъ знаній также не могли удовлетвориться старымъ разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ, требуя ихъ перерѣшенія. Укажу лишь на одинъ, но очень характерный примѣръ.

Извѣстно, какимъ вниманіемъ ученыхъ съ самаго XVIII столѣтія пользовался вопросъ о происхожденіи Русскаго государства и призваніи Варяжскихъ князей. Кавелинъ заявлялъ, что „съ тѣхъ поръ, какъ варяжская эпоха русской исторіи стала предметомъ ученой обработки, до тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, на ней одной почти исключительно сосредоточивались всѣ ученые споры о русской исторіи. Нельзя было записать свое имя въ число изслѣдователей, не испытавъ своихъ силъ на этомъ вопросѣ“. Въ этомъ вопросѣ все казалось *tritum pertritum*. Когда покойный Куникъ выпустилъ въ 1844 году первую часть своего извѣстнаго труда О призваніи Шведскихъ Руссовъ (*Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen*), ему со всѣхъ сторонъ говорили, какъ признается онъ самъ въ слѣдующемъ 1845 году, что онъ отдалъ свои силы совершенно безплодному и изношенному предмету. А между тѣмъ отдѣльныя стороны этого вопроса несомнѣнно получили затѣмъ новое развитіе въ цѣломъ рядѣ новыхъ трудовъ, каковы работы Круга, Погодина, Забѣлина, Костомарова, Геденова, Иловайскаго, Васильевскаго, Томсена, Шахматова и другихъ. И, можетъ быть, не такъ далеко уже время новаго коренного пересмотра всего варяжскаго вопроса. Михаилъ Петровичъ Погодинъ, этотъ уже ветеранъ русской исторической науки къ шестидесятымъ годамъ XIX столѣтія, произнося свою рѣчь при открытіи въ 1869 году перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ,

говорилъ: „я желалъ бы кстати здѣсь спросить, какія же это требованія науки и критики, которыхъ не знали, на примѣръ, Шлецеръ и Карамзинъ . . . Нѣтъ, мм. гг., Карамзинъ и Шлецеръ наоборотъ задали бы намъ, безъ сомнѣнія, такіе вопросы, на которые отвѣчать имъ мы затруднились бы навѣрное.“ Но затруднились ли бы, или нѣтъ, отвѣтить Шлецеру и Карамзину современные намъ ученые, — еще вопросъ, а сами Карамзинъ и Шлецеръ уже не отвѣчаютъ намъ на наши вопросы, если въ затронутыхъ ими областяхъ русскаго историческаго знанія выросли цѣлыя ученія литературы. Послѣдніе отвѣчаютъ намъ на вопросы, обойденные ими, или по своему перерѣшаютъ ими рѣшенное. Самъ Погодинъ въ 1869 году забылъ, какъ онъ въ 1850 году жаловался на обиліе труда, положеннаго имъ на исправленіе и дополненіе Исторіи Карамзина.

Итакъ, содержаніе науки русской исторіи развивается непрерывно, въ значительной степени измѣняя то, что считалось твердо и опредѣленно извѣстнымъ еще недавно. Лишь сравнительно немного мы можемъ признать установленнымъ почти неизбылемо. Остальное подлежитъ перемѣнамъ въ зависимости отъ дальнѣйшей разработки.

Такимъ образомъ мы переживаемъ эпоху изслѣдованій и монографій. Но чѣмъ же руководствуется изслѣдователь при выборѣ предмета для своего изслѣдованія? Ученый, отдающій свои силы наукѣ, отдающій ихъ съ любовью къ ней и вѣрою въ нее, не въ правѣ руководствоваться при выборѣ задачи и темы для своего изслѣдованія исключительно своею личною склонностью къ тому, или другому отдѣлу науки, его спеціальности. Если бы онъ имѣлъ на это право, занятіе наукой обратилось бы въ дѣятельность любителя-коллекціонера, иногда полезную для науки, иногда лишь занимательную для него самого, но всегда — безъ сознанія всей важности ученой работы, безъ той ясной и свѣтлой искры, которая одухотворяетъ дѣятельность настоящаго ученаго-спеціалиста. Если научная работа является

высокимъ наслажденіемъ, то она въ то же время должна быть и упорнымъ, сознательнымъ трудомъ, иногда соединеннымъ съ самоотверженностью, — притомъ не только въ области простого трудолюбія, но въ дѣлѣ борьбы съ личными склонностями и частно-научными интересами самого работника. Сознаніе пользы, важности, надобности работы для науки должно стоять на первомъ планѣ у научнаго работника, указывать ему на выборъ темъ для изслѣдованій и одушевлять его во время научной работы. Но темъ, разработка которыхъ представляетъ собою настоятельную потребность, всегда имѣется въ наличности не одна или двѣ, а цѣлая масса. И, конечно, выборъ изъ нихъ является дѣломъ субъективнаго вкуса и интереса. Историкъ слагается не только изъ его общаго научнаго міросозерцанія и отношенія къ источнику съ методомъ работы надъ нимъ: какъ человѣкъ, онъ имѣетъ то или иное отношеніе къ фактамъ дѣйствительной, реальной жизни, переживаемой имъ лично и обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ. Вопросъ о полномъ, безусловномъ объективизмѣ и его достижимости историкомъ, увы, все еще вопросъ, притомъ одинъ изъ наиболее жгучихъ, затрогивающихъ самыя больныя мѣста. Его трудность и жгучесть ясны изъ того, что онъ сливается съ вопросомъ о свободѣ воли, надъ которымъ такъ мучительно стоитъ человѣчество многіе и долгіе вѣка. И, конечно, историкъ свободенъ въ выборѣ темъ для своего изслѣдованія, въ которыхъ онъ даетъ просторъ своему личному интересу, въ тѣхъ, однако, предѣлахъ, которые я обозначилъ сейчасъ. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ длинный рядъ превосходныхъ научныхъ трудовъ, въ происхожденіи которыхъ чувствуется вліяніе интереса автора къ тѣмъ или инымъ явленіямъ жизни переживаемой имъ современности, и это вліяніе нисколько не уменьшаетъ научной цѣнности труда. Приведу примѣръ. Ипполиту Тэну пришлось въ 1849 году быть избирателемъ въ палату только что возник-

шей второй французской республики. Ему предстояло подать свой голосъ при выборѣ депутатовъ. Передъ нимъ стояли люди совершенно различныхъ партій, совершенно различнаго образа мыслей. Ему нужно было выбрать между роялистомъ и республиканцемъ, демократомъ или консерваторомъ, социалистомъ или бонапартистомъ, нужно было подать голосъ, какъ гражданину. Не желая идти слѣпо, вѣря, безъ самостоятельной провѣрки той или другой политической и социальной системы въ ея пригодности для Франціи, Тэнъ, имѣвшій тогда 21 годъ отроду, ставитъ себѣ задачею изучить, какъ произошла современная Франція. Этимъ путемъ онъ хочетъ уяснить себѣ, что ей нужно въ переживаемую имъ эпоху. Такъ и произошелъ классическій трудъ Тэна о происхожденіи современной Франціи (*Les origines de la France contemporaine*). Другіе примѣры. Дѣятель июльской монархіи, пережившій французскія событія 1830 года, Гизо съ такимъ интересомъ изучаетъ англійскую революцію. Токвиль, присутствующій при ростѣ демократическаго движенія и отдающій себѣ отчетъ въ его силѣ и значеніи, ищетъ его научнаго изученія въ исторіи. Такое же вліяніе современности можно отмѣтить и на значительномъ числѣ русскихъ изслѣдователей. Не даромъ такъ много работъ по исторіи крестьянъ вышло въ свѣтъ въ эпоху подготовки и осуществленія великой реформы Царя-Освободителя. Историки этой эпохи, получая толчокъ для выбора своей темы въ переживаемой ими жизни, сами вкладывали свою лепту въ дѣло крестьянскаго освобожденія, уяснивъ происхожденіе крѣпостного права и его характеръ въ разныя эпохи его существованія.

Но подведемъ итогъ сказанному мною. Этотъ итогъ будетъ кратокъ и немногосложенъ. У насъ нѣтъ общаго труда, охватывающаго всю исторію Россіи въ томъ ея видѣ и объемѣ, какъ она разработана изслѣдованіемъ. Его замѣняетъ монографическая литература. Какъ мы видѣли, едва ли такой трудъ и возможенъ теперь, не даромъ въ

области всеобщей исторіи уже намѣчается переходъ общихъ трудовъ одного историка въ коллективную работу нѣсколькихъ.

Въ чемъ же задача профессора русской исторіи при такомъ ея положеніи?

Первой задачей профессора науки является передача того, что выработано ею въ данное время. Онъ долженъ знакомить своихъ слушателей съ тѣмъ, что является достояніемъ его науки въ тотъ моментъ, когда онъ находится въ общеніи со своею аудиторіей съ кафедрой. Въ своихъ чтеніяхъ профессоръ долженъ по возможности, хотя въ самыхъ существенныхъ чертахъ, представить своимъ слушателямъ результаты разработки его науки во всѣхъ ея отдѣлахъ, знакомя съ этими результатами всѣхъ своихъ слушателей и указывая будущимъ специалистамъ отдѣлы, ожидающіе своей разработки. Само собою разумѣется, изложеніе профессора не можетъ и не должно быть равномернымъ во всѣхъ частяхъ его курса — элементарные факты уже являются достояніемъ его слушателей, приобрѣтеннымъ еще за стѣнами Университета, и его задачей является лишь углубленіе и осмысленіе ихъ. Не стремясь къ равномерности во всѣхъ отдѣлахъ своего курса, профессоръ обязанъ, по моему крайнему разумѣнію, однако, стремиться къ связному и цѣльному изложенію своей науки. Его изложеніе не должно быть отрывками, но должно рисовать цѣльный процессъ историческаго развитія Россіи и русскаго народа во всѣхъ сторонахъ его жизни. Отказываясь отъ равномерности изложенія всѣхъ безъ исключенія отдѣловъ и выдѣляя нѣкоторые для болѣе обстоятельнаго изложенія, профессоръ никогда не долженъ упускать изъ виду общей связи и общаго хода историческаго процесса, собирая въ общую стройную картину результаты частныхъ процессовъ и явленій русской исторіи. Уже давно стало признанной истиной, что всякій образованный человѣкъ ищетъ „въ знаніи общаго, единства, живого, а не мертваго“ (какъ выражался

Кавелинъ), и „охлаждаетъ“ въ своемъ интересѣ къ предмету, не находя удовлетворенія. Но тутъ не только интересъ, тутъ потребность; и что эта потребность дѣйствительно существуетъ, доказывается быстрымъ распространеніемъ тѣхъ университетскихъ общихъ курсовъ русской исторіи и исторіи русскаго права, которые вышли въ печати.

Но кромѣ общаго изложенія его науки на профессорѣ лежитъ обязанность передавать методы научнаго изслѣдованія, вводитъ въ лабораторію ученой работы тѣхъ, кто хочетъ приготовить изъ себя научнаго работника-спеціалиста въ излагаемой профессоромъ области. Какъ учитель науки, профессоръ долженъ исполнять и эту функцію, отдавая ей часть своего университетскаго преподаванія. Само собою разумѣется, что нести эту свою обязанность онъ можетъ лишь тогда, когда самъ является изслѣдователемъ, не оставляющимъ своей спеціальной работы. Профессоръ и его ученикъ, вѣдь, оба учатся: первый лишь старше — ихъ обоихъ соединяетъ исканіе знанія и идеальная любовь къ наукѣ. *Docendo discimus* — лозунгъ учителя науки.

Каѳедра — центръ, изъ котораго идутъ лучи научнаго знанія. Идеаль его — истина, которая, выходя въ міръ, претворяется въ жизненную правду. Наука есть не только сила знанія; она громадная гуманизирующая сила. Исторія науки ярко рисуетъ это. Эту то силу знанія и человѣчности долженъ хранить Университетъ, и мы, его члены, должны вносить ее въ нашъ трудъ для родины и человѣчества.

Est A-5233

TO RAAMATUKOGU

1 0300 00836169 5